

Н.В. Ремезов

**Очерки из жизни дикой
Башкирии. Быль в сказочной
стране**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.В. Ремезов**
Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране / Н.В. Ремезов –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 306 с.

ISBN 978-5-458-01285-0

Издание 2-е дополненное и исправленное.

ISBN 978-5-458-01285-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нихъ говорится: „по условію 10 апрѣля 1872 года уфимскій 2-й гильдіи вупецъ Корнило Аверьяновъ Морозовъ запродавъ землю первому изъ насъ 15 десятинъ по 13 руб., второму 50 десятинъ по 10 руб., третьему 30 десятинъ по 10 рублей, четвертому 10 дес. по 11 руб. и послѣднему 20 дес. по 10 руб. за десятину, съ разсрочкою платежа за оную на 8 лѣтъ, съ тѣмъ, что если кто-либо изъ насъ въ теченіе означеннаго срока не уплатитъ слѣдующую за означенную землю сумму сполна, тотъ долженъ получить таковую только въ томъ количествѣ десятинъ, за которыя будутъ внесены по расчету деньги. Въ уплату слѣдующихъ за землю денегъ мы внесли Морозову 665 р.; уплатою же остальныхъ денегъ мы приостановились въ виду разнесшагося слуха о возбужденіи дѣлъ объ уничтоженіи купчихъ крѣпостей на земли, купленныя у башкиръ съ нарушеніемъ правилъ 10 февраля 1869 года, къ категоріи которыхъ принадлежитъ и земля Морозова. Нынѣ, по случаю неуплаты за остальную часть земли денегъ, Морозовъ, въ противность заключеннаго между нами условія въ пользованіи землею, которая окончательно уже выкуплена, намъ отказалъ и принуждаетъ насъ выселиться, не позволяя даже продать возведенныя нами, на собственныя деньги, постройки, которыя оставляетъ въ свою пользу. На эти дѣйствія Морозова хотя мы и приносили жалобы мѣстному начальству, но оно почему-то не нашло возможнымъ даже и принять ихъ“. А вотъ другой образчикъ походовъ Морозова, изображенный, въ жалобѣ тому же сенатору Ковалевскому, крестьянами починка Шубинскаго: „ѣздитъ Морозовъ по починкамъ Булекей-Кудейской волости съ волостнымъ писаремъ, прежнимъ да пожалуй и нынѣшнимъ—его конторщикомъ Пермяковымъ и сельскимъ засѣдателемъ, насильно требуетъ уплаты денегъ, уводя въ противномъ случаѣ безъ всякихъ разговоровъ скотину. Морозовъ съ насъ получилъ за землю въ разное время 905 рублей, да 5 лѣтъ мы оплачивали ее земскими сборами, явился какъ и въ другихъ починкахъ съ требованіемъ остальныхъ денегъ 665 рублей“. Подобныхъ просьбъ

на Морозова подано разнымъ мѣстамъ и лицамъ нѣсть числа, а рѣшеніе все еще съ трепетомъ ожидается крестьянами. Но Морозовъ этимъ временемъ пользуется. Обо всѣхъ жалобахъ, которыя на него пишутся, онъ знаетъ очень подробно, такъ какъ въ каждомъ починкѣ у него есть свои шпіоны, по большей части родственники, или же тѣ изъ подленькихъ людей, которые прикладываютъ руку въ прошенію и передаютъ ихъ содержаніе Морозову, конечно, не безъ платы. По поводу жалобъ онъ обыкновенно говоритъ крестьянамъ: „Ваша просьба—вѣтеръ, я все исключилъ“ (!). Последнее слово у него въ большомъ ходу. Исключаетъ ли онъ жалобы—не знаю, но что исключаетъ крестьянъ изъ починковъ, какъ и вышесказанныхъ, то это вѣрно. И это у него дѣлается весьма легко: слово—и дѣло кончено. Такъ въ починкѣ Куршаковскомъ исключенъ крестьянинъ Никаноръ Ковришкинъ, о которомъ въ книгѣ, выданной Морозовымъ на записку уплаты денегъ, значится слѣдующая многозначительная записъ: „по приказанію Морозова исключенъ“. (Самъ Морозовъ грамоты не знаетъ.) Въ починкѣ Лобовъ-Ильинскомъ крестьянинъ Бусыгинъ, купившій 10 десятъ земли по условію, былъ выгнанъ Морозовымъ. Последній отобралъ даже у него домъ и продалъ его другому лицу. Крестьянинъ этотъ причисленъ въ мѣстному Лобовскому обществу и съ него взыскиваются всѣ подати наравнѣ съ однообщественниками, а за свой домъ, проданный Морозовымъ уже 3 года, платитъ страховую премію въ земство. Изъ починка Христолюбовскаго вышло 7 крестьянъ, не уплатившихъ Морозову за землю. Всѣ они выѣхали вслѣдствіе притѣсненій Морозова, который оставилъ ихъ задатки себѣ, какъ и устроенныя ими 7 усадебъ съ домами и надворными строеніями и расчищенныя изъ-подъ лѣса нивы. Выѣхали эти крестьяне, да многіе и изъ другихъ починковъ потому, что Морозовъ ежегодно обрѣзаетъ ихъ закупленныя земли и не даетъ даже ими пользоваться; такъ, этому починку въ 1881 году онъ нарѣзалъ вырубленный лѣсъ „по сухому логу“, а расчищенныя крестьянами пашни по „Багышлѣ“

отрѣзалъ себѣ; то же онъ сдѣлалъ и у починковъ Шубинскаго, Усаклы, Троицкаго и... почти у всѣхъ, даже у починка Новотроицкаго, которому въ 1876 году была выдана купчая и, слѣдовательно, крестьяне этого починка были такими же хозяевами своихъ земель, какъ и онъ своимъ, а потому всякая отрѣзка должна бы дѣлаться по полюбовному соглашенію между обѣими сторонами, какъ указываетъ законъ. Но въ томъ-то и дѣло, что для Морозова законы не писаны. Какъ бы то ни было, но новотроицкіе мужички, вышедшіе изъ обязательныхъ отношеній къ Морозову, не позволили ему сдѣлать подобную отрѣзку и прогнали его съ землемѣромъ съ межи, подавъ жалобу въ судъ. А хорошее польце онъ хотѣлъ захватить! Въ родѣ этого онъ производилъ еще въ починкахъ Спасскомъ и Повровскомъ. Такихъ „вольныхъ людей“ у Морозова только всего три починка, остальные же 16 всѣ—*временно-обязанные*, которыхъ около 2.500 душъ. Съ этими-то несчастными, попавшими къ нему въ лапы, онъ что захочетъ, то и творить. Описанные отрѣзки для Морозова крайне выгодны, такъ какъ онъ сдаетъ отрѣзанныя поля тѣмъ же починкамъ, но за особую плату по 4 и 5 рублей десятину подъ одинъ посѣвъ хлѣба, несмотря на то, что крестьяне только изъ-за того и трудятся, чтобы расчистить поскорѣе поле и ѣсть „свой хлѣбъ“ *), такъ какъ они въ то время ѣли еще купленный, которому цѣна въ 1881 году была 1 р. 30 коп. пудъ ржаной муки. А гдѣ мужику взять денегъ, чтобы прокормить свою громадную семью? Удивляешься, право, какъ это Богъ помогаетъ еще! Само собою разумѣется, что въ разъ отведенныхъ границахъ владѣнія крестьяне получали право пользованія и расчистки лѣса безъ ограниченія; но и здѣсь Морозову угодно было наложить свою пятерню. Онъ всегда приказывалъ, чтобы всѣ лѣсныя издѣлія, какія выработаютъ крестьяне, были сдаваемы ему въ счетъ уплаты денегъ за

*) Расчистить десятину стоить 40 р., т.-е. въ 5 разъ дороже, чѣмъ ее купить съ лѣсомъ въ вѣчное владѣніе.

землю. Нѣкоторые крестьяне повѣрили этому и стали возить къ нему издѣлія, но послѣ оказалось, что онъ ставилъ за нихъ цѣну несравненно ниже, чѣмъ другіе лѣсоторговцы; тогда они стали возить къ другимъ, но Морозовъ, узнавши объ этомъ отъ своихъ шпіоновъ, сталъ штрафовать за каждую продажу въ размѣрѣ 10 рублей, несмотря на то, что это нигдѣ не обусловлено, вычитая изъ суммы, поступившей съ крестьянъ въ уплату за землю. Но вычетъ у мужаика 10 рублей было бы сносно, а то еще онъ налагаетъ на это болѣе значительную контрибуцію. Подобныя продажи онъ называетъ воровскими и, основываясь на этомъ, опять „исключаетъ“ крестьянъ изъ поселковъ. Продѣлывать подобныя вещи Морозову безъ всякаго суда и слѣдствія, вполнѣ самовольно, съ своими временно-обязанными поселенцами весьма легко, такъ какъ онъ, по его выраженію, „у него въ рукахъ“. Въ случаѣ, если, что Боже упаси, зайнется мужикъ недобримъ словомъ, такъ онъ можетъ исключить не только одного, но стереть съ лица земли цѣлый поселокъ. Это вытекаетъ изъ того факта, что въ поземельныхъ условіяхъ, домашнихъ, рѣдко засвидѣтельствованныхъ даже въ волостномъ правленіи, онъ именуетъ поселенцевъ „арендаторами“. Такъ, напримѣръ, въ условіи 13 марта 1872 года съ крестьянами починка Марвеловскаго (да и многихъ другихъ) значится, что взяли они землю „въ арендное содержаніе срокомъ на 8 лѣтъ“, за что „арендаторы“ обязались уплатить ему по 11 руб. за десятину. Арендатора дѣйствительно легко „исключить“ Морозову, но каково перенести это крестьянину, который на зовъ Корнила Аверьяновича переселился къ нему „со старины“, распродалъ тамъ всѣ пожитки. Онъ оторвался отъ родного гнѣзда, отъ всего ему милого и пріѣхалъ сюда съ семьею, промышляя по дорогѣ Христовымъ именемъ, а гдѣ случалось и заработками. Поселился въ глухомъ лѣсу, вдали отъ всякаго жилья, гдѣ и дорогъ-то не было, кромѣ тропъ для верховой ѣзды. Поселился онъ тутъ, срубилъ избенку и обзавелся скотиной, расчистилъ съ кровавымъ потомъ ниву изъ-подъ лѣса и луга;

прорубилъ въ лѣсу большія, проѣздныя дороги, постоянно находясь въ борьбѣ то съ нуждою, то съ влиятелью, то съ медвѣдями; перенесъ всѣ болѣзни отъ непривычнаго мѣста, да кое-какъ, да чѣмъ Богъ послалъ, наконецъ, пропитался до „своего хлѣба“, а тутъ опять новая бѣда горше прежнихъ: поля отрѣзываются, издѣлія отбираются, уплаченные за землю деньги не возвращаются и, наконецъ, онъ слышитъ грозное слово Морозова *исключить*. Что остается послѣ этого дѣлать исключенному мужику, куда идти? Дорога одна—петля. Подаетъ онъ жалобы—и письменно, и словесно, ждетъ отвѣта, но его нѣтъ; идетъ онъ тогда въ свою немудрую, деревянную церковь и тихо, и горько тамъ плачетъ, и молится предъ иконою Спасителя.

Дух захватываетъ, слушая крестьянъ о похожденияхъ сыновей Морозова съ прикащиками по починкамъ. Башибузуки съ болгарами хотя и жестоко расправлялись, но тѣ рисковали своею жизнію, а эти господа творять что угодно—съ полнымъ сознаниемъ, что сопротивленія не будетъ. Таково положеніе переселенцевъ у Морозова, да и у многихъ другихъ.

На землѣ да безъ земли.

На сѣверѣ Стерлитамакскаго уѣзда, въ отрогахъ Уральскаго хребта, расположенъ *Архангельскій мѣдиплавильный заводъ* графини *Коссаковской*, доставшійся ей по наслѣдству въ 1851 году. Это—довольно обширное селеніе, какъ и вообще заводы, при которыхъ сосредоточивалась всегда большая масса рабочаго народа. Расположено оно довольно правильно—кварталами, по обѣ стороны рѣчки Аскина, на равнинѣ, которую окружаютъ съ сѣвера, востока и юга горы, а къ западу она доходитъ до рѣчки Бѣлой и тянется на разстояніи 25 верстъ. Въ самомъ же селеніи, при концѣ заводскаго пруда, расположены постройки завода, фабрики, склады угля,

доменные печи и т. п. Недалеко от нихъ, въ югу, находятся господскія постройки, церкви и базарныя лавки на площади. Здѣсь же находится и памятникъ, воздвигнутый крестьянами на свои средства въ память освобожденія ихъ изъ крѣпостной зависимости. Онъ представляетъ собою колонну изъ кирпичей сажени двѣ вышиною, на вершинѣ которой, на яблокѣ, вырѣзанъ изъ желѣза и разрисованъ ангелъ, какъ будто опустившійся съ неба, коснувшись лишь одною ногой и возвѣщающій въ приложенную къ губамъ трубу радостную вѣсть *освобожденія*. Но памятникъ этотъ теперь не поправляется и скоро придетъ въ разрушеніе...

У графини Коссаковской при заводѣ считается 52 тысячи десятинъ. На нихъ расположены слѣдующія селенія: Архангельское село и деревни Новая Федоровка, Русскій Зилимъ, Ирныша; всѣ они населены горно-заводскими мастеровыми, бывшими крѣпостными Коссаковской. Сама графиня живетъ гдѣ-то въ Польшѣ и на заводѣ не бываетъ. Управляетъ заводомъ Зорковъ; онъ происходитъ изъ крестьянъ мастеровыхъ Богоявленскаго завода г. Пашкова, извѣстнаго апостола петербургскаго большаго свѣта. Зорковъ небольшаго роста, толстенькій, кругленькій, уже пожилой человѣкъ. Физиономія его чрезвычайно типична и при встрѣчѣ съ нимъ чувствуешь какое-то отвращеніе... Но оставимъ его и перейдемъ къ дальнѣйшему.

Крестьяне, бывшіе Коссаковской, отказались отъ надѣла и даже не приняли надѣла нищенскаго—*дарственнаго*, какимъ другіе заводчики: Сухозанеты, Пашковы, Балашовы и Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе наградили своихъ работниковъ. Согласно Положенія 19 февраля, крестьяне пожелали остаться безъ земли и согласно того же Положенія они остались только при пользованіи однѣми усадьбами, даже безъ выгона. Но и усадьба не составляла ихъ собственности, и если они могли ею пользоваться, то не иначе, какъ подъ условіемъ работы на заводѣ. Такъ они и живутъ по настоящее время. Судите по этому сами, какъ много случается, при такомъ ихъ

положеніи, чтобы „пожать“ и „выжать изъ нихъ все, что будетъ угодно господину управляющему, который и прежде пользовался и теперь пользуется такимъ безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ и вполне безпощадно для жителей и безнаказанно для себя, за то выгодно, эксплуатируетъ населеніе. „Пожать“ и „выжать“ стали обыкновенною его терминологіей, и нужно сказать, что здѣсь *дѣйствительно выжимаютъ*.

Чтобы мои слова не были вымысломъ, я долженъ привести факты. Вотъ они:

Крестьяне Коссаковской, при выходѣ на волю, имѣли собственнаго хлѣба, въ запасныхъ магазинахъ, 2.386 четвертей ржаного и 231¹/₂ четвертей овса, слѣдовательно около 25 тысячъ пудовъ. Этотъ хлѣбъ достопочтенная графиня продала и вырученныя деньги положила къ себѣ въ карманъ, за что крестьянамъ обѣщала дать земли, но потомъ слова своего не сдержала. Выходить, что все мое—и хлѣбъ, и земля! Крестьяне стали хлопотать о возвратѣ имъ хлѣба, и въ 1868 году Стерлитамакскій мировой съѣздъ рѣшилъ взыскать съ Коссаковской, на пополненіе крестьянскаго запаснаго магазина, сказанный выше хлѣбъ. Дѣло затянулось до 1873 года, въ который вмѣсто потребованнаго крестьянскаго хлѣба графиня, по случаю дороговизны цѣнъ на рожь въ то время, обязалась уступить имъ въ вѣчное владѣніе 5.500 десятинъ, о чемъ были составлены и засвидѣтельствованы законнымъ порядкомъ договоры. Но графиня впоследствии нарушила эти договоры и на вознагражденіе землею не соглашалась. Дѣло пошло мытарствовать по инстанціямъ низшимъ, высшимъ и наконецъ послѣ 20-лѣтняго многотруднаго странствованія достигло сената, который рѣшилъ, что въ замѣнъ растроченнаго Коссаковскою хлѣба она должна отдать крестьянамъ землю. Уфимская палата уголовного и гражданскаго суда 6-го мая 1880 года выдаетъ на эту землю данную, а именно: Архангельскому заводу на 2.678 десят. 1.874 саж., Новой-Федоровѣ 205 дес. 372 саж., Зилиму 1.081 дес. 273 саж., Ирныешѣ 1.451 дес. 2.318 саж. Но на этомъ дѣло остано-

лось и впередь не двигается. У крестьянъ въ рукахъ данная, смотреть они на нее — не налюбуются, а земли нѣтъ, какъ и не бывало. Вотъ уже другой годъ, какъ они введены во *владѣніе* землю, а земли все нѣтъ—какъ нѣтъ. Чудеса да и только!

И вотъ тутъ-то г. Зорковъ является главнымъ дѣятелемъ, разумѣется, подъ руководствомъ своей великой покровительницы, графини Коссаковской. Судя по ихъ политикѣ въ дѣлѣ обезземеленія крестьянъ, цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не допустить крестьянъ до пользованія землей. Достиженіе этой цѣли для нихъ чрезвычайно важно, такъ какъ если мужики будутъ имѣть собственную землю, то будутъ обеспечены и не станутъ работать на фабрикѣ за ту цѣну, которую имъ платитъ Зорковъ. Тогда ему и его барынѣ придется плохо. Дѣло въ томъ, что работать на фабрикѣ можетъ не всякій рабочій, а лишь человѣкъ знающій дѣло и изучившій его на практикѣ, какими и могутъ считаться только заводскіе „мастеровые“. Лишиться такихъ работниковъ—значитъ прекратить дѣйствіе завода, а платить имъ дорого не хочется: барышей будетъ мало, несмотря на то, что теперь получается ихъ рубль на рубль, или 100%. Если же у крестьянъ своей земли не будетъ, то они по необходимости будутъ вѣчными работниками на заводѣ и съ ними можно будетъ выдѣлывать что угодно, можно шута гнуть ихъ въ бараній рогъ. Вотъ по этимъ-то причинамъ Зорковъ уперся какъ быкъ и нейдетъ ни на какія сдѣлки. Напримѣръ, онъ не соглашается на уступку трехъ, пяти усадебныхъ мѣстъ, принадлежавшихъ прежде крестьянамъ, которые выѣхали изъ селенія. Эти усадьбы стоятъ не дорого, но онѣ находятся внутри крестьянскихъ усадебъ, и послѣдніе ниоимъ образомъ не хотятъ уступить ихъ въ пользу графини, руководствуясь основаніями болѣе вѣскими, нежели Зорковъ. Споръ завязанъ, а это управляющему только и нужно было. Какъ бы то ни было, но эти несчастныя усадьбы остановили законный ходъ дѣла и, чего добраго, оно затянется опять на

20-ть лѣтъ и пойдеть въ сенатъ, а крестьяне все будутъ тянуть вѣрнопостную лямку и плясать по Зорковской дудкѣ, платить ему натурою — работами на фабригѣ и влнаться, какъ кумиру, за свою же собственную землю. Если исчислить всѣ убытки, которые понесли мастеровые со времени начатія дѣла, то у графини не достало бы для расплаты съ ними и всей заводской дачи. Между тѣмъ, благодаря хожденію Зоркова по разнымъ присутствіямъ, дѣло это тянется, и тянется безконечно, а изъ крестьянъ Зорковъ вытаскиваетъ и выжимаетъ также безконечно. Кромѣ того, господинъ управляющій застрачиваетъ крестьянъ разными мѣрами. Такъ, всякое произшествіе на заводѣ, въ дачѣ или фабригѣ, онъ приписываетъ мастеровымъ, подаетъ на нихъ жалобы и тѣхъ сажать въ тюрьмы...

Когда мнѣ въ заводѣ рассказывали дѣло о землѣ со всѣми его подробностями и сопровождавшимися обстоятельствами, то подтверждали свои слова документами, заключающимся въ трехъ громадныхъ томахъ бумаги. Разсматривая эти документы, я удивлялся, какъ это у Зоркова и у графини не станеть волокъ въ горлѣ кусокъ, который они „урываютъ“ у крестьянъ. Между тѣмъ начальство, имѣя въ виду выдачу на землю данныхъ, требуютъ отъ крестьянъ пополненія въ магазины хлѣбныхъ недоимокъ.

Кромѣ названныхъ деревень, на земляхъ Коссаковской расположены два починка: Малышевскій и Токмакъ, поселившиеся на арендныхъ правахъ. Онѣ существуютъ уже 15 лѣтъ и успѣли также попасть въ лапы Зоркова. Крестьяне первого починка платятъ аренды по 75 коп. въ годъ за десятину, но 15 декабря 1883 года срокъ аренды кончается и, конечно, даже навѣрное, они будутъ платить вчетверо или впятеро дороже, такъ какъ арендная плата на земли ежегодно повышается, бросить усадьбы и все мужицкое заведеніе имъ не такъ-то будетъ легко, и придется согласиться на условія, которыя выработаетъ г. Зорковъ. Крестьяне второго починка, проживающіе на полянѣ „Токмакъ“, заключили

условіе съ конторою по 7 марта 1883 г. и, за проживаніе и пользованіе изъ заводской дачи топливомъ, выгономъ и пастьбой скота въ окрестности селенія и сѣнокопеніемъ на полянѣ, обязались платить за каждаго домохозяина по 4 руб. въ годъ, внося деньги ежегодно: первую половину—въ маѣ, а вторую—въ октябрѣ. Неисправность платежа аренды считается нарушеніемъ условія. За распаханную и засѣянную землю мастеровые обязаны платить каждый за себя, за яровое и озимое—по 1 руб. въ годъ, сколько вспашеть. Строевой лѣсъ для домашнихъ построекъ могутъ брать бесплатно, но сбыть лѣса на сторону, воспрещается. За поставку пеньковъ платятъ по 4 руб. за десятину. Питейныхъ заведеній, приемоу и складовъ лѣсныхъ и др. промышленныхъ заведеній въ селеніи, безъ разрѣшенія конторы, не заводятъ. Контора же на *все* имѣетъ полное право и безъ согласія жителей. Последніе обязуются, сверхъ уплаты денегъ, круговою порукою, начиная отъ башкирской деревни Ибрагимовой до р. Аскина (на 30 верстѣ), оберегать и сохранять заводскую дачу отъ порубки, для чего давать изъ среды своей въ личные 1 и 2 человекъ и на каждый дворъ по 10 въ годъ поденщиновъ, а также обязаны давать и помощь съ платою по 30 коп. въ день. За истребленіе лѣса и т. п. дѣйствія контора *вправѣ отказать* въ проживаніи; виновный въ похищеніи платитъ *двойную цѣну* по таксѣ, за каждое похищенное дерево. Въ поощреніе, пойманному хищнику контора выдаетъ половину взысканнаго штрафа. *По истеченіи 6 лѣтъ срока аренды мастеровые обязаны, если пожелаютъ проживать на этомъ мѣстѣ, войти съ конторою въ новую сдѣлку или очистить занятое мѣсто.* Обеспеченіемъ исправнаго исполненія условія служатъ крестьянскіе дома. Каждый изъ поселенцевъ можетъ уйти изъ поселка, заплатя за прожитое время и за *помога* впредъ. Изъ этого явствуетъ, что какъ бы ни были *расписаны* права и преимущества поселенцевъ, они всецѣло находятся въ распоряженіи Зорвова, или какъ онъ именуется себя въ условіяхъ, „конторы гр. Коссаков-